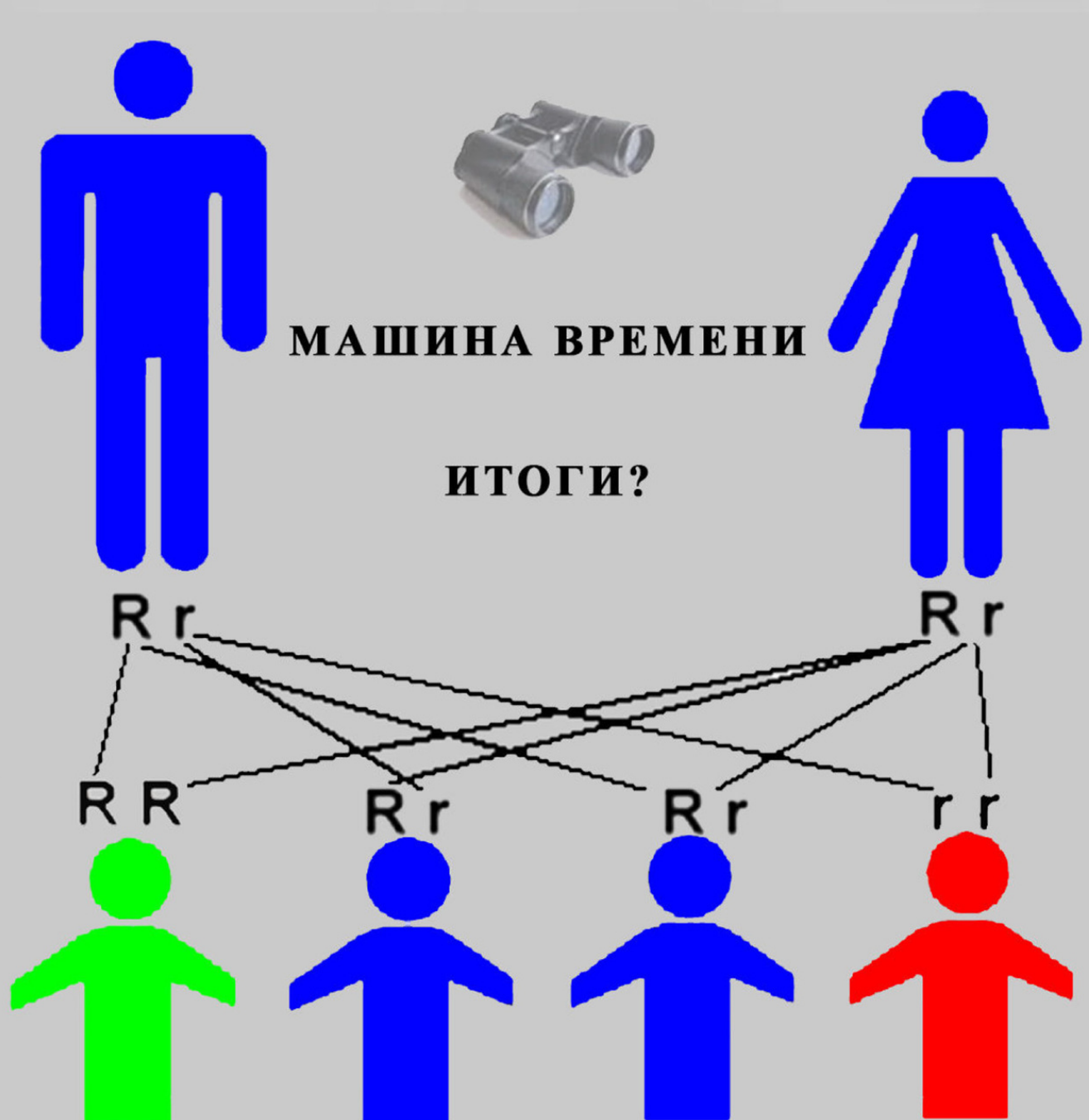

ГЕННАДИЙ РАЗУМОВ

РОДОСЛОВНАЯ

АШКЕНАЗИ

Геннадий Разумов
Родословная ашкенази

«Автор»

2019

Разумов Г. А.

Родословная ашкенази / Г. А. Разумов — «Автор», 2019

ISBN 978-0-359-82882-1

В представляемой книге автор делает попытку найти свои корни, составить родословную, проникнуть в тьму веков, отыскать предков, цепь поколений которых протягивается на сотни тысяч лет. Помимо того, в книге дается подборка некоторых статей, опубликованных в разные годы эмиграции. Что это, итоги? Может быть.

ISBN 978-0-359-82882-1

© Разумов Г. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
От восточной Африки до южной Малороссии	7
Судьба кантониста	10
По отцовской линии	14
Плевков в прошлое	18
Чужие имена	28
Глава 2	30
Бабушка с дедушкой	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Геннадий Разумов

Родословная ашкенази

© 2019 – Геннадий Разумов

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com or info@altaspera.ru.

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada

by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

* * *

Об авторе. Геннадий Разумов – известный в области инженерной гидрогеологии ученый, автор более 110 научных трудов, в том числе 8 монографий и десятков изобретений. Кроме этого, он долгие годы работает в области журналистики и литературы. Более 270 его статей, очерков, эссе опубликовано в центральных журналах и газетах России, США, Израйля, а также в Интернете. Им выпущено 13 научно-художественных, научно-фантастических, мемуарных и детских книг, изданных на нескольких европейских языках.

*Что такое память? Муха.
Жужжит назойливо над ухом.
Прислушиться ли к ней,
Или прихлопнуть поскорей?*

*Не тужи, дружок, что прожил ты свой век не в
лучшем виде:
все про всех одно и то же говорят на панихиде.
Звоните поздней ночью мне, друзья, не бойтесь
помешать и разбудить;
кошмарно близок час, когда нельзя и некуда нам
будет позвонить.*

И.Губерман

Предисловие

«Листья желтые над городом кружатся...», – такая старая песня. И такая же старая истина: падать им на землю, совсем не хочется – знают, ничего хорошего их там не ждет, только тлен, забвение.

Такова жизнь, такова природа, так устроен мир. И с этим ничего не поделаешь.

Однако, легко рассуждать этак вообще, смотреть на осенние деревья глазами уличного прохожего. А если ты и есть тот самый старый пожелтевший лист, падающий с облетающего дерева? Ты кружишься, кружишься, ищешь попутного ветра, чтобы хоть еще немножко задержаться в воздухе, не упасть на землю, не исчезнуть под землей.

Где найти этот попутный ветер, как поймать его спасительную струю?

Да вот он здесь этот воздушный поток, который хоть немного может поддержать угасающие силы и чуть-чуть замедлить падение в пропасть небытия. Это она, память о прошлом, греет холодеющее сердце, освещает темноту слабеющей старческой души.

Недаром так словоохотливы пожилые люди, все носятся и носятся со своими воспоминаниями, все говорят и говорят, а некоторые, более навязчивые, еще и пишут. Такие вот, вроде меня.

А, спрашивается, зачем нудить, к чему эта тягомотина, для кого? Молодым она нужна, как балеринам кирзовые сапоги, а зрелым, как дворникам балетные пуанты.

Может, хотя бы, мои сверстники почитают?

Глава 1

Еврейская родословная

От восточной Африки до южной Малороссии

Кто-то живет кабачком (или капустой) – у него все наверху, напоказ. Под землей он держит лишь небольшой корешок, часто довольно крепкий, но обычно тощий, невзрачный. Другой, наоборот, существует морковкой (или картошкой), главное его достоинство внизу, под землей. Оно для него самое важное, коренное, сверху же торчит только зеленушка, может быть, и красивая, но бесполезная, для еды непригодная.

Кому из них лучше живется, кому хуже? Сразу и не скажешь, но, скорее всего, это зависит от индивидуальной потребности, от вкусов – кому-то больше хочется кочерыжкой похрустеть, побрендеть, а кто-то вглубь смотрит, в корень.

Но как часто встречаются и те, кто изо всех сил рвутся поменять свою коренную ориентацию. Особенно этим отличаются арбузы, тыквы с короткими корешками и короткой памятью. Достигнув взрослой зрелости, окрепнув на родительских харчах, отрываются они от земли и катятся по ней безродными кругляками – «перекати-полями».

Больше всего это относится к эмигрантам первого поколения, стремящимся побыстрее избавиться от обрывков своих корней и поплотнее слиться с местным людом.

Но есть один древний народ – евреи, который веками не теряет своей самобытности, хотя и обладает удивительной способностью каждый раз очень плотно приспособливаться к новой среде обитания. А ведь за две с половиной тысячи лет существования ему вынужденно приходилось ее многократно менять. Евреи безоговорочно, иногда даже с большим энтузиазмом, принимали чужой образ жизни, язык, идеологию, но всегда и всюду оставались евреями.

* * *

Рожденный и выросший на сорной почве воинственного атеизма и агрессивного антисемитизма, я тоже жил дуалистом, был двуликим, двусторонним, как лист бумаги. Наслаждаясь Гоголем и Чеховым, русскими романсами и частушками, я с удовольствием читал Ш.Алейхема и Д.Бергельсона, ходил в театры ГОСЕТ, «Шалом», танцевал «Семь сорок» и «Фрейлекс».

Таким образом, мне всегда нравились оба упомянутых выше типа овощей. Но даже, будучи с детства красным карапузом-арбузом, а потом тем самым синим кабачком с коротким корешком в земле, я все равно не терял интереса к тому, что там находится внизу подо мною.

А корень у меня, еврея-ашкенази, оказывается, очень длинный. Он уходит аж на 150 или даже 200 тысяч лет назад к одной из юных особ, которая вместе с тысячами других смельчаков покинула родную шалашную деревушку, уютно приткнувшись к джунглям северо-восточной Африки (Рис. 1). На утлых лодках они пересекли Бабель-Мандебский пролив Красного моря и поселились на Арабском полуострове.

Рис. 1. Шалашные дома в северо-восточной Африке.

Стрелки геологических часов истории отсчитывают не секунды и минуты, как наши сейки и ролексы, а десятки и тысячи столетий, в потоке которых лицо Земли приобретает новые черты. Ветры, дожди – косметологи и парикмахеры планеты – вместе с колебаниями климата и тектоническими подвижками постоянно обновляют земные ландшафты. Вот и 11500 лет назад они серьезно изменили облик Северного полушария. Очередное глобальное потепление освободило его ото льдов и сделало доступным для заселения поднявшимся на ноги (в буквальном и переносном смысле) человечеством.

Теперь уже другая моя молодая пра-пра-пра-пра-пра-бабушка вместе с мужем, закрепившим кожаными ремнями на колесной арбе свои пожитки, отправилась за лучшей жизнью в дальний путь по Ближнему Востоку в северо-восточное Средиземноморье. Вот где надолго пунктир моей родословной стал сплошной непрерывной линией, протянувшейся чуть ли не до Средних веков эпохи европейской цивилизации.

Следующая по времени моя пра-пра-пра-прабабушка, скорее всего, жила в Каннареджо – еврейском квартале-гетто средневековой Венеции. Ее отец был, по-видимому, преуспевающим ростовщиком, выручал деньгами проигравшихся в карты «черных», как их называли, аристократов и спасал от разорения погоревших на торгах незадачливых итальянских купцов и судовладельцев.

Однако, как всегда и везде, когда надо было найти козлов отпущения, в средневековой Венеции тоже во всех бедах обвиняли евреев. Поэтому они стали жертвами навета и в 1569 году, когда их уличили в поджоге сгоревшего венецианского Арсенала. Пришлось бежать куда подальше, в чужие дальние края, за море.

И вот новые мои пра-пра-пра-предки, бросив свой дом, накопленное добро, спешно покинули Аппенинский полуостров и отправились пересекать на паруснике бурные воды Адриатического моря. Именно вследствие этого на берегах Черногории где-то в предместьях монтенегровой Подгорицы и продолжилась история нашего рода.

На том пятачке Европы она простояла до второй половины XIX века. Во всяком случае до того времени, когда на юге России стал бурно развиваться приморский город **Одесса**, заложенный еще Екатериной Великой. И туда, следуя за другими искателями счастья, уже не на парусном, а на паровом торговом судне отправился молодой черногорский еврей Самуил Черни.

Вскоре он женился. Это и дало повод достаточно точно впервые обозначить имя и годы жизни одной из моих прародительниц – Эстер (Эсфирь) Черни (1850-1908). В девичестве эта одесситка была Гихман, что говорит о германском происхождении ее предков. Но судьба очень быстро от нее отвернулась, этот первый брак с евреем из Черногории оказался очень недолговечным – через год после свадьбы мужа забрали на очередную войну с османской Турцией, и он из нее, увы, не вернулся.

Эстер снова вышла замуж, ее вторым избранником стал некий Шимон (Исайя) Розимов. Кем он был, и что за странное сплетение еврейского имени с русской фамилией. Откуда она у нашего патриарха?

Судьба кантониста

Прежде, чем ответить на этот вопрос, вспомним одну из наиболее трагических страниц истории русских евреев, которыми они сделались в результате поглощения Россией обширных мест их плотного проживания, происшедшего в результате очередного (3-го) раздела Польши.

После необъяснимой агрессивности по отношению к иудеям «просвещенной» императрицы Екатерины II следующий по очереди период их острого государственного преследования пришелся на реакционное правление Николая I («палкина»). Одним из наиболее подлых его акций, среди многих других, был указ 1827 года, устанавливавший непомерно большие нормы призыва евреев на военную службу. Они были в 3 раза выше, чем для православных – по десять рекрутов с каждой тысячи лиц мужского пола ежегодно, а не по семь и в два года, как для христиан.

Кроме того воинская повинность для евреев вводилась с 12-тилетнего возраста (для всех остальных – с 18). Но эта норма часто нарушалась, и в армию попадали «дети полка» 7-10 лет. Для их поимки формировались специальные команды так называемых «ловчиков» и «хапунов». Они разъезжали на подводах по еврейским местечкам, похищали на улицах и запихивали в мешки без разбора возраста всех попавших им под руку ребяташек.

Нередко кагалы черты оседлости, жалея детей, не поставляли требовавшееся властями число призывников, и тогда в качестве штрафа брались еще трое сверх нормы. Если кто-то из них сбегал, его ловили, секли шомполами, а с общины взимали еще двоих таких же малолеток.

Забирали в армию мальчиков-евреев и в счет денежных налоговых недоимок – по рекруту за каждые 2 тысячи рублей. Но это рассматривалось, как наказание, и если на следующий год налог полностью не уплачивался, то община снова должна была поставлять детей на тех же условиях.

Известно описание А.Герцена («Былое и Думы») его встречи с группой еврейских детей-рекрутов, которых гнали пешим строем в глубь России. Начальник, сопровождавший команду, ему рассказывал:

«Видите, набрали ораву проклятых жиденят с восьми-девятiletнего возраста... Я их принял верст за сто. Офицер, что сдавал, говорил: «беда и только, треть осталась на дороге (и офицер показал пальцем в землю). Половина не дойдет до назначения, – прибавил он -мрут, как мухи». Привели малюток и построили в правильный фронт. Это было одно из самых ужасных зрелищ, которые я видал – бедные, бедные дети! Мальчики двенадцати, тринадцати еще кое-как держались, но малютки восьми, десяти лет... Ни одна черная кисть не вызовет такого ужаса на холст.

Бледные, изнуренные, с испуганным видом, стояли они в неловких толстых солдатских шинелях со стоячим воротником, обращая какой-то беспомощный, жалостный взгляд на гарнизонных солдат, грубо равнявших их; белые губы, синие круги под глазами показывали лихорадку или озноб. И эти больные дети без ухода, ласки, обдуваемые ветром, который беспрепятственно дует с Ледовитого моря, шли в могилу».

Судьба еврейских мальчиков после прибытия в места их поселения была ужасна. Оторванные от родителей, отправленные в кантонистские гарнизоны Поволжья и Сибири, они становились жертвами муштры, истязаний, голода. Их насильно крестили, давали русские имена и фамилии, которые часто брались с потолка. Поэтому среди кантонистов было так много разных Сидоровых, Петровых, Ивановых.

Редко кто из этих так называемых «николаевских солдат» доживал до конца своего обязательного 25-тилетнего срока воинской службы.

Правилом их воспитания был аракчеевский наказ: «Из десятка девять убей, а десятого доставь». Согласно ему детей муштровали, зомбировали, приучали беспрекословно, не думая,

подчиняться начальству. При этом плохо не по росту одевали в тяжелые солдатские шинели и кители, кормили впроголодь. Обычной едой были щи из лежалой полугнилой капусты и жидкая каша на воде. За один сворованный в столовке кусок хлеба давал 25 розг. Недаром кантонистские школы и батальоны называли в народе «жидодерами». Немного лучше жилось еврейским мальчишкам, которые будучи собственностью военного ведомства, попадали в услужение к офицерам, хотя и становились фактически их крепостными.

* * *

Можно ли было избежать такой страшной участи, могли ли несчастные родители как-то спасти своих детей? Евреи, веками преследовавшиеся то немецкими крестоносцами, то польскими панами, не были бы евреями, если бы опустили руки и не пытались что-то придумать. Конечно, и в данном случае они искали и находили разные многотрудные обходные пути, тайные узкие лазейки.

Одной из них, хотя и мало доступной для многодетных еврейских семей, был пункт российского Государевого указа, освобождавший от воинской повинности мальчиков, бывших у родителей единственными детьми. Оставляя в семье хотя бы одного «кормильца», царская власть тем самым, по-видимому, стремилась показать просвещенной Европе свою «гуманность» и «заботливость» о поданных государства, даже таких презренных, какими считались евреи.

За эту не слишком хитрую зацепку и ухватился некий Пинхас Бельский, прадед которого когда-то перебрался из Правобережной Украины в российскую Малороссию, избежав таким образом гибели от нагаек и пуль зверски юдофобствовавших там украинских гайдамаков. Несмотря на традиционный государственный и бытовой антисемитизм на юге России во второй половине XIX века евреям жилось здесь тогда все же спокойнее.

А потому правнуку Пинхаса, прихожанину одесской ортодоксальной синагоги на Екатерининской, довелось настрогать со временем целую дюжину детей. Однако мужского пола среди них оказалось только двое – старший Шмая и младший Шимон. Для того, чтобы спасти их от военной рекрутчины, он обратился к жившему неподалеку на Марозлиевской улице одинокому бездетному купцу Розуму. За 50 рублей (золотыми) купил он у него фиктивное усыновление младшенького своего Шимона. Тем самым и второй сын Шмая, оставшись в семье единственным мальчиком, получил право на счастливое детство.

Вот так образовалась фамилия Розумов, первообладатель которого в 1891 году стал и хозяином одного из модных шляпных магазинов Одессы, расположенных на центральной улице города Ришельевской (Рис. 2).

Рис. 2. Ришельевская ул., Одесса, начало XX века.

А неподалеку в тот же благоприятный для бизнеса год возник и «Петроградский магазинь обуви», к владельцу которого Мойше Бейну частенько стала вдруг захаживать его младшая сестрица Дора. Конечно, ее немного интересовали и лежавшие на прилавке образцы кожи, предназначенные для изготовления по выбору заказчиц женские сапожки с высокой шнуровкой. Но куда большее внимание ее привлекал щеголеватый юноша Давид Розумов, тоже посещавший соседский магазин и с неустанным вниманием подолгу разглядывавший рейторские ботфорты прусского фасона. Скромные переглядывания и робкие попытки заговорить друг с другом плавно переходили к прогулкам по одесским бульварам и провожаниям девушки домой в ее Успенский переулок. Вскоре Дора пригласила своего кавалера на свадьбу своего старшего брата Соломона, где их впервые увидели обе многочисленные мишпухи.

А первый поцелуй случился на пероне вокзала, где приходилось делать вид прощающихся пассажиров у дверей вагона отходящего поезда. А где еще им можно было целоваться? В те пуританские времена делать это в подъездах домов и на уличных скамейках не считалось приличным.

Однако получить благословение от папаши Розумова Давиду не удавалось. Тот считал мезальянсом брак с дочерью бедного коммивояжера, каковым в отличие от своего брата обувного богача Мойши был дорин отец Лейзер Бейн. За мизерное вознаграждение он ездил по городам юга Российской империи, заключая торговые сделки и рекламируя продукцию текстильных, коже-дубильных и керамико-дельных фирм (о нем будет еще раз упомянуто при разговоре о родственниках, гл. 3).

Их союз состоялся лишь под звон колоколов льежской ратуши, где они зарегистрировали свой законный брак, одев друг другу на безымянные пальцы обручальные кольца. Нет, конечно, далеко не для этого уехали они из Одессы в Бельгию. Их манила учеба в университете, которая для окончившего реальное училище Давида из-за процентной нормы приема евреев была очень проблематичной, а для гимназистки Доры вообще недоступной.

А те первые годы нового XX-го века, начало бурного этапа индустриальной эпохи, знаменовались железнодорожным строительством, производством паровозов, бытовой техники. Повсюду гудели провода телеграфа, телефона, трамвайных линий, входили в обиход электро-

утюги и электромоторы. Для их конструирования, проектирования, изготовления нужна была техническая интеллигенция. Одной из ее кузней оказался, в частности, и королевский политехнический университет в Льеже, основанный на базе шахтных разработок угольных месторождений бельгийского Крокиля.

Там мои бабушка и дедушка получили дипломы высшего образования, став специалистами «слаботочниками», то-есть, занимавшимися электроприборами телефонной и телеграфной связи. А госпожа Дора Розумова-Бейн по сообщению «Одесских новостей» от 21 октября 1911 года (Рис. 3) была первой женщиной инженером на юге России (позже уточнилось – и во всей Российской империи).

Отгуляв запоздалую еврейскую свадьбу-хупу и получив, как люди с высшим образованием, «Вид на жительство», молодые отправились в столицу, вскоре ставшую Петроградом, а в 1929 году переехали в Москву. Впрочем, обо всех этих событиях и дальнейшей судьбе моих grandparents мы еще поговорим в следующей главе.

По отцовской линии

Другой мой пра-пра-пра-пра-прадед юным искателем новой жизни проложил свою судьбу по тем же общеевропейским и общееврейским путям. Но в этом случае к раннему Средневековью они протянулись не на юг Средиземноморья, а пройдя времена библейской и эллинистической эпохи, попали с Ближнего Востока на западное побережье германского Рейна. Как это случилось?

На этот счет существуют разные мнения. По одной из них евреи, якобы, пришли в Германию с востока еще в VIII веке, при этом они были чуть ли не теми самыми хазарами-тюрокютами, которые на территории северного Прикаспия когда-то приняли иудаизм. По другой более логичной версии, близкой к той, которая касается моей материнской линии (см. выше), евреи на Рейне появились из Южной Европы.

Рис. 3. Диплом об окончании Королевского Политехнического университета (Льеж Бельгия) и портрет госпожи Розумовой Бейнг первой женицины инженера в России. 22 октября 1911 года

Вместе со второй гипотезой мне по душе предположение, по которому мой предок с папиной стороны был одним из героических евреев, присоединившихся к Шимону Бар-Кохба, предводителю восстания в Иудее против римского владычества. Возможно, что в 132 году он одел шлем, кольчугу и взял в руки короткий двуострый меч. Более 4 лет в составе отряда еврейских повстанцев он самоотверженно сражался за освобождение своей родины. Но силы были не равны – посланный из Рима императором Адрианом большой воинский легион подавил сопротивление иудеев. Многие из них были убиты, другие попали в плен и подверглись изгнанию в отдаленные провинции империи.

Одна из таких окраин располагалась на диких пустынных берегах германской реки Рейн. Туда на съедение лесным волкам и кабанам пригнали закованных в цепи и кандалы пленни-

ков, среди которых был и мой предок. Однако они не оправдали зловредную задумку римского тирана и вопреки всему выжили. Со временем страсти улеглись, римская империя ушла на вечную стоянку к причалам архива истории, а потомки бывших воинов Иудеи стали поселенцами небольшого западно-германского городка Шпайер. Вот там и началась многовековая полная взлетов и падений, успехов и поражений, а больше всего преследований и гонений трудная европейская история ашкеназийских евреев («ашкенази – семитское название средневековой Германии, воспринимавшейся, как место расселения», Википедия). С течением времени их численность значительно увеличилась и достигла десятков, позже и сотен тысяч человек, и они расселились по всем германским землям. Короли, герцоги, курфюрсты, бургомистры Швабии, Баварии, Саксонии, Пруссии то приглашали их поднимать торговлю, ремесла, денежную систему, то, наоборот, угнетали, изгоняли, отнимали собственность.

Запертые в тесных каменных клетках городских гетто немецкие евреи во все времена пытались вырваться на свободу, слиться с окружающим населением, стать полноправными гражданами страны, но им всегда указывали их место. Задолго до Холокоста пресловутый «еврейский вопрос» решался в Германии путем массовых убийств, погромов, грабежей. Каждый раз их обвиняли во всяческих бедах и катастрофах: в засухах и наводнениях, падеже скота и неурожаях, эпидемиях чумы, оспы и холеры.

Временами отдельные владыки земель, разные графы, бароны, бургомистры давали евреям некие «охранные грамоты», допускали к торговле, денежным операциям, портняжничеству, сапожничеству, а, когда те достигали в этих областях успехов, все у них отбирали.

А брались евреи за самые трудные дела. Так, начав с простого ростовщичества, они создали в Германии, а потом и во всем мире, надежную хорошо организованную банковскую систему. Благодаря их деятельности местный мелкооптовый рыночный товарообмен стал основой развития мощной разветвленной международной торговли.

В результате этого к середине XVI века многие небольшие верхнерейнские немецкие города достигли расцвета, став средоточием богатства и роскоши. Одним из них был Аугсбург, перевалочный пункт товаров, прибывавших из Венеции, занимавшей в то время ведущее место в торговле с Востоком. Оттуда шли в Германию индийские пряности, слонобая кость, китайский чай и прочие экзотические тогда в Европе заморские продукты.

Немалое место среди них занимали шелковые ткани, прибывавшие из Китая с караванами по «Шелковому пути». Одежда из такого легкого и красивого материала начинала приобретать широкое распространение в богатых домах вельмож европейских городов. В Аугсбурге обосновалась и центральная контора торговой фирмы Фуггеров, ведшей в масштабах того времени настоящую мировую торговлю.

В нее поступил на работу предприимчивый и неглупый еврейский юноша Исая, который быстро достиг успехов в продажах шелковых изделий. Эта его деятельность и послужила поводом называть молодого человека Зайдманом (по немецки Seide – шелк, Mann – человек).

Вот откуда пошла фамилия моего папы.

Прошло почти 3 века, и пра-пра-правнук того Исаяи Зайдмана волей судьбы (а, точнее, императорским военно-рекрутским Управлением евреев кантонистов) перебросил отцовскую линию моей родословной в небольшой уездный городок российской тогда Орловской (ныне Брянской) губернии **Карачев** (Рис. 4). Продолжая династическую традицию, он тоже занялся здесь торговлей ткацкими изделиями, но уже не шелком, который не пользовался большим распространением у небогатого населения империи, а пенькой.

Рис. 4. Карачев, Брянская губерния, конец XIX века.

Дело в том, что наряду с конопляным маслом пеньковые веревки, мешки, картузы во второй половине XIX столетия составляли главные предметы экспорта Карачева, бывшего до этого глубокой бедной провинцией. Именно благодаря пеньковой и маслобойной промышленности уже к 1894 году население города выросло почти до 17 тысяч человек.

Но продлиться торговой династии в России у моих предков по отцовской линии не получилось. Мой дед Давид, тогда еще молодой крепкий парень, вернувшись однажды домой с работы в пеньковой лавке отца, перешагнул порог, остановился на минуту, а потом с сильной болью в спине упал на пол. Приглашенный на дом местный земский врач быстро поставил неутешительный диагноз.

То было обострение жестокой болезни – костного туберкулеза, хронического заболевания, связанного с воспалением и разрушением костей, особенно в позвоночнике. Этот коварный недуг поражает людей в любом, даже молодом, возрасте, и сопровождает их всю жизнь. Вылечить его в то время было практически невозможно, да и теперь весьма проблематично.

Поэтому ни о какой работе, связанной с хождением по заказчикам, тасканием мешков с товаром, даже стоянием за прилавком моему деду и думать не приходилось. Оставалось лишь сесть за швейную машинку Зингер и долгие годы ничем больше не заниматься, как только шить, лотать, перелицовывать лапсердаки, камзолы и сюртуки.

Среди разных предположений о причинах заболевания моего деда костным туберкулезом было одно, очень похожее на истину. Дело в том, что злопамятной судьбе-судье пришло в голову поправить оплошку, допущенную в случае моего предка по материнской линии Шимона, в свое время благополучно увернувшегося от царской рекрутчины. Именно для уравнивания роковых житейских невзгод, сопровождавших историю нашего рода, моему прадеду Зайдману, по-видимому, и пришлось стать кантонистом, 13-тилетним мальчиком отправленным в далекий зауральский воинский гарнизон.

Где-то там в многолюдной тесной казарме с близко друг к другу стоявшими койками он и подцепил от соседа ту паскудную заразу. А, может быть, схватил ее, когда на холодном ветру в тяжелой солдатской шинели с пудовым мешком на спине месил суглинистую грязь на многоверстовых маршевых переходах. Во всяком случае вернулся он домой хотя и не старым, но уже больным человеком. В полученной им по наследству торговой лавке ему только и отавалось сидеть за прилавком у кассы.

Потом он женился, пошли дети и, к сожалению, именно старшему из них Додику, моему деду, вместе с торговым делом передалась и та зловредная хвороба – костный туберкулез.

Вот почему позже, когда тот в свою очередь обзавелся семьей и заимел трех сыновей, его жена, моя бабушка Геня, говорила о своей озабоченности тем, что та страшная болезнь деда могла перейти по наследству не только детям, но и потомкам 3-го поколения, в том числе мне. Но, слава Богу, этот недуг, как моего отца и его братьев, так меня и моих двух двоюродных сестер обошла стороной.

* * *

Кстати, история моей родословной показывает, как с приходом индустриальной эпохи, технологической революции и подъемом всеобщей культуры и образованности стал заметно понижаться пик демографического хребта. На рубеже XIX и XX столетий рождаемость стала быстро падать. Если у моего пра-прадеда было 12 детей, то у прадеда уже только 6, и если мой дедушка, инженер-электрик, ограничился 2-мя отпрысками, то его дочь, имевшая два высших образования, увы, обошлась всего одним ребенком, а конкретно – мною.

Однако позже та демографическая яма, еще и углубленная 1-ой и 2-ой Мировыми войнами, немного пополнилась повышением деторождения в 60-70-е годы прошлого века. Я тоже потрудился на этой ниве, посеив, хотя и с интервалом в 10 лет 2-х дочек. А они в свою очередь увеличили население планеты аж на 4 единицы. Возможно, это начало нового подъема? Кто знает...

Единственное, что можно сказать – Природа (или Творец?) мудро регулирует численность на ее планете, как муравьев так и человек.

Плевок в прошлое

Прочитав приведенную выше историю моей родословной, иной скептически настроенный индивид скажет, что это просто-напросто некая неуклюжая выдумка, беллетристика-белиберда. И действительно, будучи крохотным колечком в длинной цепи сменяющих друг друга поколений, мы не можем увидеть всю ее целиком, так как накрепко привязаны лишь к одному звену бесконечной череды годов. Откуда нам знать, что происходило сотни и тысяч лет назад с нашими предками, кем они были, где жили, что делали?

Оказывается, можно. Для ответа на эти вопросы и существует наука, именуемая **генеалогией**. В виде, пришедшем к нам из прошлого века, она выглядит этакой бумажно-артефактной машиной, занимающейся сбором и анализом разных исторических и архивных документов, письменных источников и материальных свидетельств прошлого. Их исследование позволяет плести некие генеалогические цепочки, устанавливать логические взаимосвязи, распутывать клубки нитей, связывающих фамилии, рода и даже целые народы. И в результате выращивать так называемые генеалогические деревья.

Однако сохранность и точность исторических хроник, летописей, переписей населения, тем более, частных писем, накладных, векселей и других бумаг, не вызывает большого доверия. Ведь немалая часть этих документов ограничена субъективностью их составителей, представляющих происходящее с ними и вокруг них весьма однобоко. Поэтому зачастую итоги трудоемкой работы исследователей-генеалогов оказываются довольно ориентировочными, не строгими, иногда даже сомнительными.

Нельзя не отметить и еще один немаловажный ущерб генеалогических изысков, которые по естественным причинам охватывают ограниченную по времени часть родословной цепи – в лучшем случае 10-14 поколений. Так, в России более не менее достоверная информация о ее населении начала появляться лишь на рубеже ХУП–ХУШ веков, когда Петр I ввел систему так называемых «Ревизских сказок». То же самое относится к Восточной Европе, где, например, в Австро-Венгрии по указу императора Иосифа II, евреям, в частности, стали впервые давать наследственные фамилии только в 1787 году.

Конечно, для полноценных генеалогических исследований этого недостаточно.

Поэтому генеалогические деревья, составляющиеся с помощью карандашей, ножниц и археологических лопаток, отличаются от результатов новых современных методов исследований, как ушедшая в небытие логарифмическая линейка от какого-нибудь нынешнего смартфона-айфона последней модели.

Но, увы, вот и мне, вследствие отсутствия в прошлой моей жизни этого нового магического прибора, поначалу пришлось выращивать генеалогическое дерево на почве разных доморощенных средств. Ими были бабушкино-мамины рассказы, воспоминания родственников, старые пожелтевшие бумаги: письма, записки, дневники, календари. Много сведений дали поблекшие серовато-коричневатые фотоотпечатки, сделанные в начале прошлого века одесской «Фотографией Д.Берсуцкаго» на Ришельевской и «Фотографическим ателье Б.Готлиба» на углу Ланжероновской (рис. 5). Использовал я и такие же труды других своих родственников-современников, старавшихся, вроде меня, протиснуться в узкую щель бесконечного времени.

Пытался я отыскать своих предков и с помощью материальных следов прошлого. Поехал в город отцовского детства Карачев, где на старом кладбище хотел отыскать памятник с фамилией его отца и деда. В музее крымской Керчи с многозначительным названием «Лапидарий» я, протерев очки, внимательно разглядывал могильные плиты времен аж Боспорского царства, на которых были выбиты еврейские буквы, магендовиды и меноры. Но разве мог я обнаружить на них своих предков?

Нет, нужны были совсем иного типа свидетели прошлого, другие отмычки тайны веков. И они появились уже в новое время.

Рис. 5. Фотографические ателье, Одесса, начало XX века.

Когда-то в моем советском прошлом **генетику** наряду с кибернетикой презрительно именовали лженаукой, вместо нее возводя в абсолют разные мичуринские проходимость типа того, каким занимался «народный академик» Трофим Лысенко. Скрещивая, грубо говоря, кар-

тошку с огурцами и коров с козлами, он при поддержке властей рубил наотмашь поросли, посаженные еще в XIX веке австрийским ученым с подозрительной фамилией Мендель. И хотя тот, на самом-то деле, был католическим монахом, «менделизм-морганнизм» был признан вредоносным спутником иудейского «безродного космополитизма».

Ныне без этой науки не обходится ни выведение новых сортов ячменя и видов чистопородных коров, ни врачебные заключения и лечение болезней, ни планирование беременности, ни многое другое. И вообще, нынешняя эра технологической информатики, последовавшая за индустриальной эпохой, в ближайшем будущем, по-видимому, сменится временем инженерной биологии и ее части – научной и производственной генетики.

Особую роль она игрет и в поисках наших предков.

Природа нехотя открывает свои сокровенные тайны. Одной из самых важных справедливо считается феномен так называемой молекулы ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота). Эта умная крохотулька, сидящая в каждой клетке нашего тела, в виде некоего **генома** хранит в себе память веков и тысячелетий, содержит наследственные признаки, приходящие к нам от далеких предков и позволяет решить многие сложные задачи, раньше считавшиеся нерешаемыми.

Так, с помощью зоркого геномного телескопа-микроскопа американские и израильские ученые Г.Ацмон, Э.Берне, Г.Острер, Э.Фридман, Д.Бехар, изучив генетические образцы евреев из 14 стран и сравнив их с генами представителей 69 других народов, получили важные результаты. Опубликованные в книге «Дети Авраама в эпоху генома», они доказывают, что все евреи генетически почти братья и сестры, хотя, конечно, не прямые, а троюродные и многою-родные. И очень отличаются от неевреев.

Появившись в Месопотамии 2, 5 тысячи лет назад они со временем постепенно стали делиться на две части, одна осталась на Ближнем Востоке, другая мигрировала в Северо-Восточную Африку и Европу. Позже первые из них, именуемые мизрахами, составили еврейское население Ирана, Ирака, Сирии. Вторые стали еще двумя большими популяциями. Это ашкеназы, выходцы из Центральной и Восточной Европы и сефарды – из Греции, Италии, Испании, Турции.

Интересно отметить, что именно восточно-европейские ашкеназские евреи, больше других подобрали на стороне чужих генетических признаков европейских народов, недаром среди них немало людей светловолосых и голубоглазых. Последнее, как говорят генетики, является следствием добавления крови именно северо-европейских народов.

И еще один генетический факт, имеющий уже отношение непосредственно ко мне и к моим ближайшим родственникам. Исследования последних лет показали, что ашкеназы, впрочем, как и сефарды, имеют чуть ли не до 20 % примесей генов южно-европейских народов: итальянцев, французов, сардинцев. Такое родство подтверждают и письменные источники, например, те, которые свидетельствуют о переселении в XI веке евреев из Иудеи не только в Германию на средний Рейн, о чем уже говорилось, но и в Южную Европу.

* * *

Наверно, здесь следует высказать некое мое собственное дилетантское заключение-предположение, которое, подозреваю, может не очень понравиться многим моим соплеменникам.

Встречаясь многократно с бухарскими, горскими, сефардскими евреями, наблюдая жизнь разных общин Израиля, я каждый раз убеждался в справедливости мнения, что по культуре, образованности, умственным способностям современные восточно-европейские евреи значительно превосходят всех других своих соплеменников. Но это широко известно и без меня.

Важно другое. Знакомство с историей наших предков, в частности, с такими книгами, как «Пятикнижие Моисея», «Новый Завет», «Иудейская война» Иосифа Флавия и Лиона Фейхтвангера и другими, показывает, что нынешние ашкенази довольно сильно отличаются и от собственных предков, как очень далеких, так и довольно близких.

Возьмем библейские и античные времена, когда еще не произошло коренное разделение евреев по географии их проживания, серьезно влияющей на особенности национального характера. Упомянутые письменные источники представили древних иудеев, как смелый, жестокий, упрямый народ, вечно боровшийся за свою независимость, свободу, справедливость и смело выступавший против врагов, намного превышавших их по численности и силе.

В фараоновые времена они не стерпели своего приниженного положения и под предводительством Моисея бежали из древнеегипетского рабства. В период римского владычества фактически единственные из всех покоренных Римом народов, включая воинственных галов и кельтов, подняли вооруженный мятеж, превратившийся в большую Иудейскую войну. И если бы не внутренние распри, в частности, из-за zelотов в Иерусалиме и секариев в Масаде, евреи не потеряли бы свою страну. В скобках замечу, что гены храбрости наших предков перескочили тысячелетия и совсем на другом витке истории помогли евреям выстоять в войнах за независимость и выжить в современном Израиле, прижатом к морю враждебными арабскими государствами.

Вместе с тем, трудно не согласиться с тем, что в истории отсутствуют какие-либо достоверные сведения о больших достижениях евреев библейской и античной древности в искусстве, например, в развитии монументальной храмовой скульптуры, чем отличались древние египтяне. Или, что они известны, как создатели песенной и драматургической культуры, оставшейся от эллинизма, широко распространившегося по всему античному миру. Правда, первое можно объяснить религиозной особенностью иудаизма, предусматривавшей «не сотворять себе кумира», то-есть, запрещавшей изображение человека.

Относительно второго мне резонно могут возразить: «А разве Библия дана человечеству не евреями?» Однако несмотря на мое искреннее преклонение перед божественностью этой великой книги, я (грешен) не могу не признаться, что поэмы Гомера и драмы Софокла занимали меня намного больше, чем даже адаптированные библейские тексты, хотя они и намного старше древнегреческих.

Конечно, иудеи дали миру Христа, но, если бы имя этого мифического, вряд ли когда-либо существовавшего героя так широко и глубоко не раскрутили многочисленные попы-пиарщики (особенно сами же евреи, такие, как, например, Павел и Петр), то филоософия Платона, Аристотеля, Сократа заняла бы умы людей ничуть не меньше христианского вероучения.

Нельзя не признать и то, что не было также среди иудеев крупных фигур из мира науки, не было у них Архимеда с Эвклидом или Геродота с Гипократом.

В Средние века так же, как и в эпоху Возрождения, жившие в Европе евреи не прославили себя ни Леонардом да Винчи, ни Данте Алигиери, да и позже не появлялись у них Моцарты и Бетховены, Шекспиров и Кампанеллы, Галилеи и Коперники. Нет, конечно, нельзя умалять цивилизационный вклад евреев в те далекие времена, в которых был Маймонид, Спиноза и другие. Но их существование было не так заметно, как упомянутых, и, кроме того, сильно растянуто по времени на десятки веков.

То же самое можно отнести и к XIX веку так называемого Просвещения. Не нашлось в нем у ашкеназов своего Дарвина и Максвелла, Дикенса и Пушкина.

Но вот грянул великий и страшный, прекрасный и кровавый XX век. Помимо многих других коренных изменений в жизни человечества, он взорвал и глухие стены тесных душных еврейских гетто Германии и затхлых чесночных местечек Российской империи. Забитые отравленные ашкеназские евреи разогнули спины, расправили плечи, подняли головы. Десятки и сотни их тысяч ринулись в экономику, финансы, науку, музыку, литературу и...

в революцию. Яркими путеводными звездами мирового уровня зажгли их Эйнштейны, Фрейды, Ойстрахи, Зингеры, Селинджеры. Не было ни одной области промышленности, торговли, науки и культуры, где евреи-ашкеназы не заняли бы первые места.

Феномен ашкеназийского еврейства, его необычайно высокий цивилизационный взлет, отчетливо проявившийся именно в XX-м веке, – это необычное, штучное явление и еврейской, и всей человеческой истории. Никакие достижения других народов и самих евреев прошлых времен не сравнимы с одноразовым присутствием в мировой науке, народном хозяйстве и культуре целого сонма гениальных представителей еврейства последних трех-четырех следующих друг за другом поколений.

Как объяснить это странное, удивительное, непонятное явление? Почему выходцы из народа, являющегося одним из самых малочисленных народов мира, вдруг заняли главные места в списках людей, отличившихся в наиболее важных областях мирового прогресса? Почему их так много среди нобелевских лауреатов, создателей киноиндустрии, банковской системы, ядерной промышленности и даже среди героев Советского Союза времен 2-ой мировой войны?

Кто знает, быть может, выдающиеся успехи массового числа ашкеназов связаны с тем расовым перемешиванием и присутствием у них инородной крови, о котором написано выше. Ведь известно, что именно слияние разных этнических свойств обычно дает положительный результат, в то время, как внутривидовое и, тем более, внутривидовое размножение приводит к упадку и даже вымиранию.

Впрочем, вряд ли можно так однозначно объяснить феномен ашкенази XX-го века. Я думаю, эту загадку не легче разгадать, чем и многие другие промыслы Творца, относящиеся к природе человека и всего человечества. Приходится лишь уповать на то, что высоко-продуктивное участие восточно-европейских евреев-ашкенази в мировом цивилизационном процессе не исчезнет ни в результате их ассимиляции и растворении в других народах, ни (не дай Бог) нового Холокоста.

* * *

Каждое новое фундаментальное научное и технологическое достижение высокого уровня обычно обрастает густым ветвистым потребительством. Так и генетика быстро перестала быть чистой наукой. После широкой публикации в печати, популяризации в интернете, на радио и телевидении она оказалась сплошь облепленной разными фирмами и компаниями, алчущими схватить быстрые деньги на прибыльном деле.

Одной из них стала американская фирма со звонким именем MyHeritage Ltd. Получив от нее очередную рекламную приманку, я после не очень долгих колебаний на нее клюнул и послал чек на 79 долларов. В ответ мне прислали водонепроницаемый пакетик (DNA kit), куда я должен был плюнуть и отправить его обратно.

И то, и другое я прилежно выполнил, а месяца через два получил многостраничный Отчет с подробной информацией о результатах генетического исследования моего «наплевательского» отношения к этому серьезному делу. Там же была ссылка на интернетовскую страницу, где те же выводы были представалены в форме видео – движущей цветной картографической картинки.

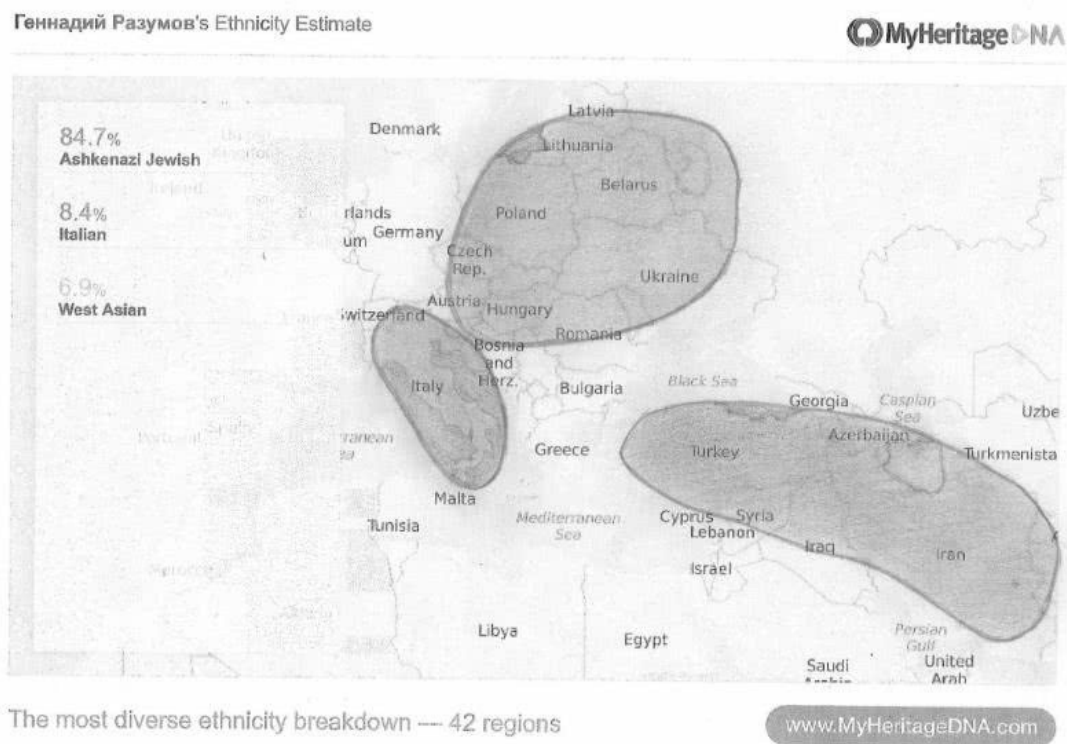

Рис. 7. Районы этнической распространенности ДНК.

Отчет сообщал, что во мне **84,7 %** генов ашкенази, **8,4 %** от итальянцев и **6,9 %** генов, собранных где-то в Западной Азии (Рис. 6, 7). Это значило, что обширная география проживания моих непоседливых предков охватывала страны Восточной Европы, Ближнего Востока, Персии, Италии, Балкан. Были установлены и пути их миграции в разные части света – в течение 180 тыс. лет по материнской и 275 тыс. лет по отцовской линии (Рис. 8).

Migrations of Your Maternal Line

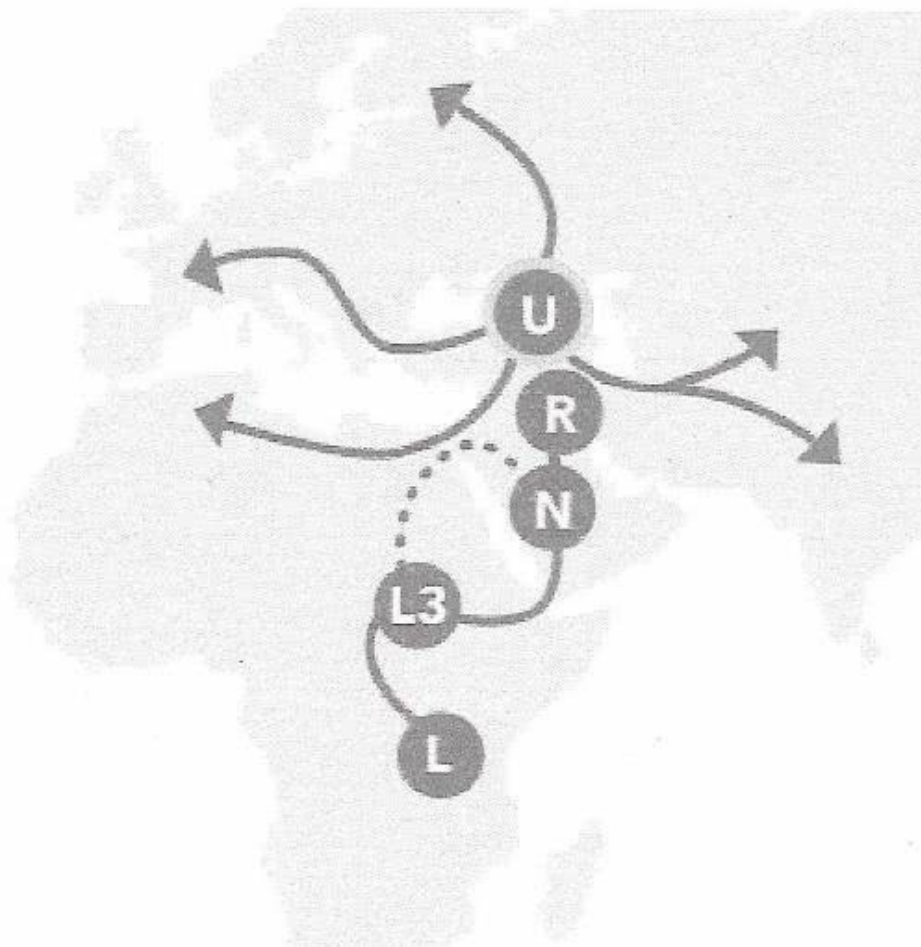

Рис. 8. Пути миграции наших предков.

Отсюда, наверно, и у меня неумная и неизбывная страсть к путешествиям и перемене мест – всю жизнь она не дает мне покоя. Ясное дело – гены не дремлют.

Проведенные по моей слюне генетические исследования порадовали своей широтой и глубиной – они охватывали от 3 до 5.5 тыс. поколений предков, живших до меня многие десятки и сотни тысяч лет. При этом давалась подробная изобилующая цифрами временная характеристика моих родственных генетических связей в разных поколениях с отцовской и материнской стороны.

И еще вот, что меня удивило – в присланном Отчете давались также подробные сведения и о моих родственниках-современниках, имеющих удовольствие жить со мною в одно и тоже время.

На момент написания того Отчета их насчитывало 1222, эта цифра включала 826 пятиюродных, 367 черырёхюродных и 29 двоюродных братьев и сестер. Мало того, мой электронный почтовый ящик почти ежемесячно стали переполнять сообщения об обнаружении новых родственников, живущих то в США и России, то в Израиле и Германии, то в Чехии и Белоруссии.

Конечно, я понимаю, что, на самом деле, все эти люди имеют только какие-то, может быть, совсем небольшие общие со мной части ДНК, перешедшие к нам от какого-то одного далекого предка. Может быть, от одной из тех 4-х женщин прирейнского города Шпайера (см. выше), которые еще в XI веке дали жизнь половине всех восточноевропейских евреев.

Но так или иначе, а ведь приятно, что не один ты на свете, и у тебя хотя и виртуальная, но все же своя родная мишпуха. И такая огромная!

Держа в руках все эти графики, схемы, цифры, я с достаточной степенью вероятности могу теперь заявить, что приведенная мной выше родословная, составленная поначалу на основе стародавних бумажно-материальных генеалогических данных, уверенно подтверждается современными геномными исследованиями. Поэтому она – никакое не сочинительство, не выдумка, а научно обоснованная истина, неоспоримая правда.

Придуманное там, может быть, и есть, особенно в том, что касается отдельных деталей событий далеких времен (во всяком случае, лишь до XIX века), а также, конечно, конкретизации имен моих дальних предков. Но таких вольностей допущено не так уж много.

Чужие имена

Объяснив происхождение маминой и папиной фамилий, нечестно было бы здесь не рассказать и об одном моем старом поступке, долго мной мозговавшемся и далеко не всеми однозначно воспринятым.

Шел неблагоприятный для нашей семьи 1957 год, когда внезапно умер мой дедушка Видя, а незадолго до этого мама совсем уж рассталась с моим отцом. Именно тогда она и решила взять обратно свою девичью фамилию.

Совсем недавно даже подумать об этом было нельзя. Еще не пожелтели газетные листы с травлей безродных космополитов, скрывавших свои мерзкие рожи под покровом благородных русских фамилий. Еще не оттаял мороз на коже от страха, охватывавшего тогда всех больных по пятому пункту, которые в свое время пренебрегли опытом их знатного соплеменника Лазаря Кагановича. Вместо того, чтобы внять его дальновидности они нагло последовали примеру других не менее великих вождей и сменили свои отчества с Мойшевичей на Михайловых, Гиршевых на Григорьевых и, конечно (ха-ха), Срулевых на Акакиевых.

Но теперь все изменилось, Хрущевская оттепель разморозила многие прежние ледяные заторы-запоры-запреты, в том числе и на перемену имен и фамилий, которая ныне становилась рутинной операцией обычных районных ЗАГС'ов.

Как раз на это время пришелся первый (юношеский) этап начала моего ставшего потом многодесятилетним приятельствования с Гариком Шаферманом, только что переехавшим с родителями и сестрой из Одессы. В старосветской советской столице он, естественно, сразу же ощутил неловкость своего уничижительного причерноморского имени. Тем паче, он тогда уже становился автором широко известных песен, и для него вопрос смены имени на приличное древнерусское было особенно злободневным. Мы на Преображенке жили с ним на соседних улицах, вместе ездили в литобъединение «Магистраль» и как-то он сказал мне с некоторой долей смущения:

– Слушай сюда, старик. Ты же понимаешь, у меня с паспортной кликухой проблемка. Поэтому, не застав тебя вчера по телефону и разговорившись с твоей матхен, я расспросил о ее недавней смене фамилии. Но вот адресок ЗАГС'а она мне не дала. Взял бы его для меня, он же у нас с вами один и тот же.

– Ладно, – ответил я, – будешь ты у нас героем «Полка Игорева».

Прошло несколько недель, и Шаферан, потерявший в ЗАГС'е еще и букву «м» в своей фамилии, теперь уже щеголял краснорожим паспортом, где громыхало его новое варяжско-княжеское имя.

Также и Витя Маршак, другой мой приятель из Магистрала, женившись на своей Горбуновой, прямо при регистрации брака взял фамилию жены (оттепельные времена допускали и такую вольность). На недоуменные вопросы он отвечал, что не может же он подписывать свои издаваемые большими тиражами рассказы «Капли» именем знаменитого советского поэта.

И в Гипроводхозе, где я уже тогда работал, Додик Кацман без всякого стеснения вдруг стал Дмитрием Кочевым, над чем все коротко в кулак хохотнули, но никто никогда по этому поводу не возникал.

Все эти знаковые примеры подвигнули и меня сменить папиного Шелкового человека (Зайдмана) на маминого Умного (Разумова).

Конечно, я довольно долго колебался, раздумывал, рядил-косил, и так, и сяк, и этак. Сомнения терзали меня не только из-за отца, который, наверняка, должен был здорово разозлиться. Больше беспокоило, как отнесутся к этому моему действию окружающие, товарищи, сослуживцы, начальство на работе, наконец, родственники Зайдманы. И потом, что будет с

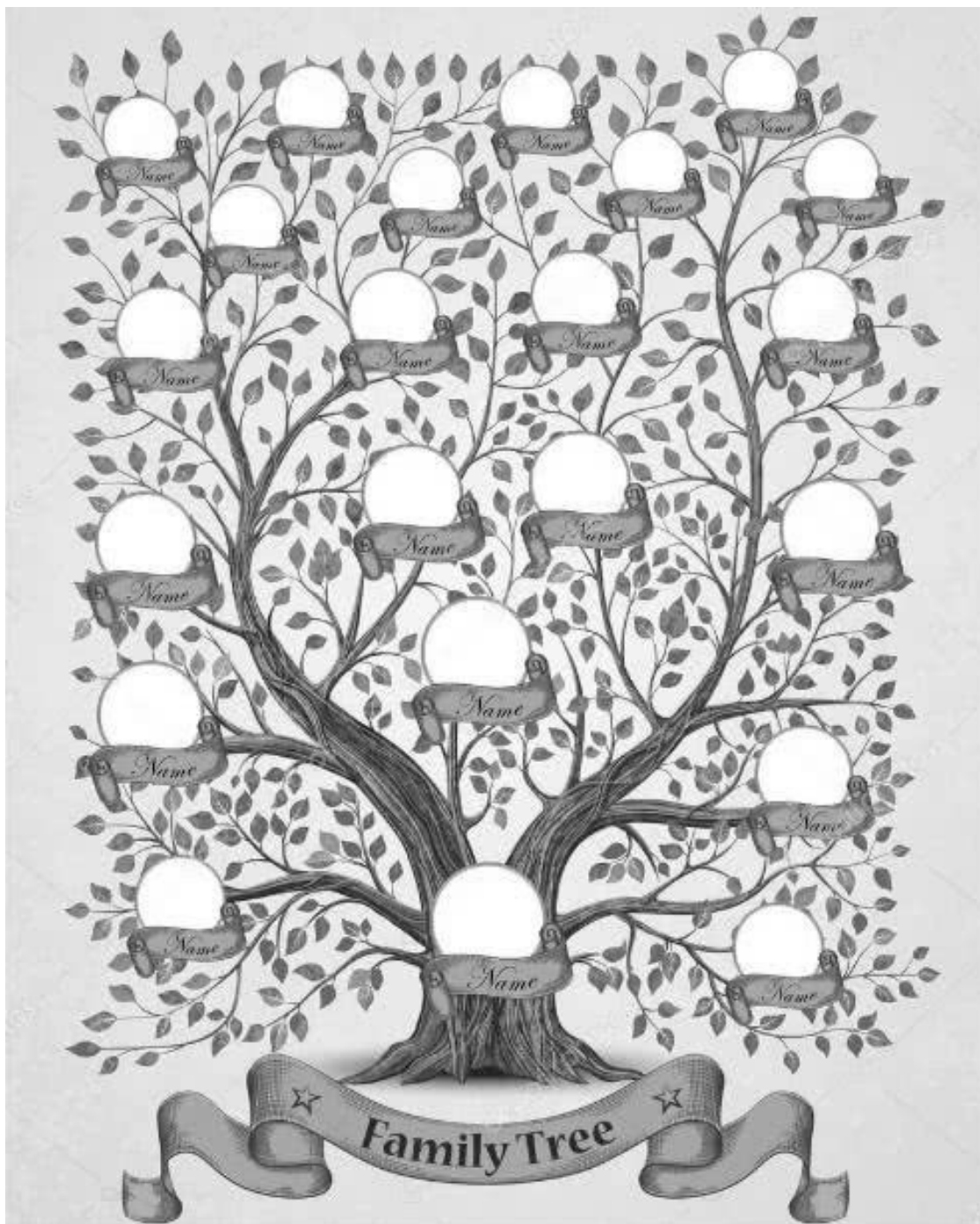
разными документами: дипломом и аттестатом зрелости, с комсомольским и другими членскими билетами, пропусками, свидетельствами?

Однако, оказалось все не так уж и страшно-сложно. Папа не очень обиделся, наверно, вспомнил что и сам, перебравшись из Карачева в Москву, сменил своего местечкового Айзика на греко-русского Александра. Хуже было с диссертационными делами. Приняв мою фамильную конверсию за камуфляж в попытке скрыться от «праведного гнева», злобные ученые антисемиты, начавшие меня тогда преследовать, еще больше оборзели и с повышенным азартом погнались на меня, как зайца борзые собаки.

Осудили меня и некоторые мои старые друзья евреи, особенно негодовал иудействовавший Илюша Аптерман, который на какое-то время даже перестал со мной разговаривать. Не помогали никакие мои оправдания. Только, уехав позже в Израиль, он сменил гнев на милость и стал со мной, как и прежде, контактировать.

А я свой поступок объяснял тем, что взял мамину фамилию не с целью облегчения существования-процветания, как многие могли предположить, а в память ушедшего из жизни деда, с которым у меня, его первенца, были очень теплые отношения. Кроме того, говорил я, эта смена фамилии была для меня еще и сменой приоритетов – моя мама тогда уже окончательно развелась с отцом, и я в знак преданности ей считал важным носить ее фамилию, а не папину.

Глава 2 Главные корни

С большим сомнением решаю я поместить в эту книгу воспоминания о своих родных и близких. Кому могут быть они интересны, кто станет читать о каких-то неизвестных людях, до которых никому нет никакого дела? Если пара потомков и пробежит глазами те страницы, которые относятся к тем, кого они тоже знали, то кроме ворчливого отрицания или даже полного отторжения они у них не вызовут. «Вот, – подумают они, – этот верхогляд что-то невразумительное скороговоркой про моего папу-маму-дядю и все перевернул. Зачем, для чего? Непонятно».

И, на самом деле, зачем?

На старости лет человек судорожно хватается за прошлое – оно кажется ему значительным, важным, и у него возникает неодолимое желание спасти его от забвения. Поэтому так хочется рассказать хотя бы немного о тех, кого знал именно ты лично. И вспомнить, как можно больше людей. Ведь каждый из них носил в себе целый мир, целую вселенную. Неужели только Цицероны, Шекспиры, Черчили и Рокфеллеры заслуживают памяти?

Нет, надо, чтобы и от простых людей остался на Земле какой-то, пусть совсем крохотный, пусть малозаметный след. Может быть, и обо мне тоже кто-нибудь прочтёт в этой книге?

Бабушка с дедушкой

Нет, не случайно я так озаглавил этот текст и поставил в нем бабушку на первое место. Она и в жизни именно его занимала, была лидером, «генералкой», как называли ее близкие. Но будучи умной, умудренной опытом женщиной, она никогда не ставила себя впереди деда, и я в детстве считал не ее, а его главным в семье. Он всегда за столом сидел на видном месте, ему первому подавали тарелку супа. И когда я спрашивал бабушку «можно ли пойти погулять», она неизменно отвечала: «спроси у дедушки».

Дед безумно любил свою жену. Он даже во сне шептал «Дорка, Дорка, Дорка», а на тыльной стороне руки у него была выжжена татуировка «Дора». Он был моложе ее на год, но ушел из жизни на 11 лет раньше.

Она родилась в Одессе в 1882 году и в разное время, кроме Доры, носила и другие имена. В детстве и молодости была Двосей или Двойрой, в светском петербургском обществе ее называли Дельвиной.

После 2-хлетней учебы на математическом отделении Женских Педагогических курсов в 1905 году она вместе с большой группой своих ровесников уехала в Бельгию, где на пике фабрично-паровозного бума конца XIX века бурно развивалась шахтная разработка угольного месторождения Крокиль. Оно служило и производственной базой Технического факультета Королевского университета в Льеже, где стали учиться студенты из Одессы.

Дора среди них была единственной представительницей прекрасного пола. А инженерными науками она увлекалась с ранней юности. Но в России в те времена женщине техническое высшее образование было недоступно. Ей светило лишь обучение педагогике, медицине и, кажется, юриспруденции. И то, если бы она не принадлежала к презренному племени евреев, неприступным барьером для которых на пути к высшему образованию стояла пресловутая процентная норма.

В Льеже Дора вышла замуж за своего Давида. Они сняли комнату и жили на 10 золотых рублей, которые посылал папа Разумов из Одессы. По-видимому, в те годы это были не такие уж малые деньги, так как молодожены умудрились даже ездить на каникулы в Швейцарию.

Свой честолюбивый лидерский характер бабушка проявила уже студенткой. Во время производственной практики вместо не приехавшей на шахту королевы она храбро спустилась в забой, а потом в награду отмывалась в королевской ванне, одна из ее сокурсниц на это не решилась.

Вернувшись в Одессу, новоиспеченные инженеры (Рис. 9) поступили на службу в немецкую компанию «Сименс и Гальске (Шукерт)». Там они занимались самым в то время востребованным инженерным делом – приборами «слабого тока», то-есть, телефонами и телеграфами. Через год, как люди с высшим образованием, они получили вид на жительство в столице, где прочим евреям постоянно пребывать не разрешалось.

А в 1929 году семья из Ленинграда переселилась в Москву, и бабушка начала свою работу на Электрозаводе, там она и проработала до самой своей пенсии, дослужившись до заведующей лаборатории изоляционных материалов. Она пользовалась заслуженным уважением у подчиненных и ценилась начальством, о ней даже писала заводская многотиражка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.